

ПРЕДИСЛОВИЕ

Особенности поведения ребенка в значительной степени обусловлены как генетическими факторами, так и гуморальным влиянием организма матери в период эмбриогенеза. Поэтому уже в раннем возрасте каждый ребенок обладает индивидуальными свойствами психики, в связи с чем свой гнев, радость или недовольство он может выразить различными способами.

Заглянув в рядом стоящие коляски двух женщин примерно одинакового социального и материального положения и образования Вы можете найти двух совершенно разных малышей: один улыбнется Вам, а другой нахмурится и заплачет. О серьезном воспитании и коррекции поведения в грудном возрасте не стоит даже говорить, на этом этапе развития главное – обеспечить потребности ребенка в пище и сухих пеленках, но позже правильным воспитанием можно сгладить негативные проявления психики.

Коррекция поведения требует индивидуального подбора решений.

Эта книга не дает единственный рецепт на все случаи жизни, но, может, в ней Вы найдете действенную и одновременно щадящую меру для решения своих проблем с малышом. Каждая глава книги разделена на две части: в первой – советы родителям, во второй – рассказ или стихотворение для ребенка, которое поможет увидеть ему свое поведение со стороны и, в идеале, его (поведение) изменить. Помните, что коррекция поведения требует индивидуального подбора решений в зависимости от особенности психика ребенка! Я бы не рискнула прочесть стихотворение о врачах ребенку, которого ими уже запугали, или о ночных страхах излишне впечатлительному малышу.

А врать нехорошо, или фантазия через край

Почему ребенок постоянно лжет? На этот вопрос нет однозначного ответа. Если за ложью стоит желание скрыть неблагоприятные поступки или неудовлетворительные оценки в школе, то по-человечески взрослому это легко понять. В каком-то смысле, это даже не так уж и плохо. Во всяком случае, поймав своего ребенка на такого рода лжи, вы понимаете, что он полностью осознает неправильность поведения, ей

предшествующего, или ответственность за полученные оценки. Тот факт, что он старается что-то скрыть от вас, может быть вызван различными причинами, порой неожиданными. Например, любовью. Да, ребенок любит вас, и он уже достаточно взрослый, чтобы попытаться оградить ас от расстройств. В этом случае обычно достаточно просто поговорить с ребенком по душам, объяснить ему, что любая правда расстроит вас меньше, чем ложь, и, кроме того, взять себя в руки и не показывать ребенку, как остро Вы переживаете любой его промах.

Если за каждую ошибку в поведении вы слишком строго наказываете ребенка, или изводите потом бесконечными напоминаниями о ней, будьте готовы к бесконечному вранью. Страх перед наказанием научит вашего ребенка быть изобретательным и изворотливым, ложь будет совершенствоваться с каждым днем и постепенно войдет в привычку.

Эту причину тоже достаточно легко устранить на первых порах: если уж вы - непоколебимый сторонник физической расправы, договоритесь с ребенком о том, что наказание за проступок будет формальным, в виде шлепка, а вот за ложь...

И, наконец, некоторые дети лгут просто так, кажется, им просто нравится дурачить всех окружающих. Иногда это вызвано самым искренним желанием порадовать вас: ребенок всю четверть рассказывает о том, сколько двоек получил по всем предметам, а потом неожиданно приносит табель с пятерками. Что ж, это неплохо! У вашего малыша есть чувство юмора и терпение носить в себе «страшную» тайну. Иногда слишком богатое воображение заставляет ребенка сочинять бесконечные небылицы, и это тоже не страшно, хотя требует некоторого контроля.

Вы же не хотите, чтобы ваш ребенок полностью ушел от реальности и стал жить в придуманном им мире. Последствия незамедлительно скажутся на его отношениях и с вами, и со сверстниками. Поэтому, пока реальный и вымышленный миры имеют для ребенка одинаковую ценность, беспокоится не стоит, но как только действительность начинает терять для него привлекательность, надо бить тревогу и обращаться к психологу. Сочинение небылиц может быть также признаком того, что вы недостаточно уделяете внимания своему малышу, и он старается привлечь его вот таким доступным ему способом. Значит, проблема в вас, Вам ее и решать.

Так в садик мне не хочется, что папе я скажу:
«Внутри чего-то колется, и еле я сижу».

И если даже все-таки придется мне идти,
Скажу, что ногу стерла я до крови по пути.

Пускай меня на ручках он в садик донесет,
Или оставит дома. Быть может, повезет?

Но папа не поверил, а мамочка ушла,
До садика прекрасно я ножками дошла.

Там нянечке сказала: «Закрой покрепче дверь,
За мною всю дорогу ужасный гнался зверь!
От папы лишь ботинки остались за углом,
Ужасное несчастье, хоть верится с трудом!»

А в группе нашей старшей всем детям рассказала:
В аквариуме гуппи размером с кошку стала!
Огромные усищи у той пробилась твари,
Глаза – как две тарелки, а когти – как из стали!

А хвостик не отбросила – ну как ей без него?,
В квартире скоро вырем все, не будет никого.
Та тварь такая крупная, и ест по очень многу,
Вот, например, у бабушки вчера отгрызла ногу.

Не верят мне товарищи и надо мной смеются,
А я сегодня видела летающее блюдце!
Зеленые пушистики сидели по краям,
Об этом рассказала я лишь двум своим друзьям.

Опять вы мне не верите, так знайте:
Папа к лету мне купит настоящую блестящую ракету!
Скафандр одену прочный и в ней (я не шучу!)
Все звезды и планеты стрелой облечу!

А вечером в квартире я маму напугала:
Она блее мела, белей известки стала.
Мол, террористы страшные на сад напали наш,
Ходы все перекрыли, заняв второй этаж,

Заложников набрали (я тоже там была)!
Нет, мне не помогли, сама отпор дала.
Как Зена, раскидала их всех я по углам.
Устала. Их в милицию, наверно, завтра сдам...

А! Вот и папочка вошел! Есть для него рассказ:
Сережка Прутиков летал, когда был тихий час.
Себя он незаметно ткнул куда-то под пупок
И взмыл, как птица, в тот же миг под самый потолок!

Два фиолетовых крыла торчали из спины...
Весь детский садик тихо спал и мирно видел сны.

Сережка Прутиков устал и лег в кровать обратно.
Мне в группе находиться с ним ужасно неприятно:
Ведь я же знаю – это монстр, да только как проверишь?
Толкнуть сильнее под пупок? Нет, папа, ты не веришь!

Никто не верит – вот беда!
Послушали и ладно...
А это все не ерунда,
Ведь вру я очень складно!

Купи мне целый мир, или сцены у прилавка

Наверное, каждый из нас не раз наблюдал сцену в магазине или лотков, когда ребенок, дергая маму за край юбки или папу за брючину, канючит: “Купи, купи!”. Окончание сцены наблюдается в трех вариантах:

Первый: родитель уступает ребенку, покупает то, что ребенок просит, или идет на компромисс и покупает другое, более дешевое.

Второй: родитель объясняет ребенку, что сейчас нет денег ни на желаемую для ребенка покупку, ни на какую другую, и ребенок этим объяснением удовлетворяется.

Третий: несмотря на все объяснения, уговоры, обещания “купить потом” или предложения заменить дорогую покупку более дешевой, ребенок впадает в настоящую истерику, плачет, безобразно дергается, может ударить не удовлетворившего его запросы родителя. В этом малосимпатичном случае дальнейшее развитие идет уже по двум вариантам:

Первый: выведенный из себя родитель злобно шлепает ребенка, с силой оттаскивает от витрины или ларька и, упирающегося и рыдающего, волочет домой.

Второй: родитель уступает, и если у него в кошельке есть наличность, способная удовлетворить прихоть капризного чада, делает ненужную покупку, в чем-то экономя на всей семье.

Ну, и какой вариант вам больше нравится? Уверена, что не третий с его вариациями!

Вас совсем не должно беспокоить, что ребенок постоянно что-то хочет, ведь вы тоже хотите. Он - собственник со своими, пока еще очень маленькими запросами. Ему нужны красивые престижные игрушки для самоутверждения среди сверстников (других путей у него пока нет), ему хочется чего-то вкусенького просто потому, что хочется. К сожалению, в нашем обществе с его низким уровнем жизни и социальным расслоением большинство родителей не могут удовлетворять запросы своих детей в том объеме, в котором им бы хотелось. Никто не сомневается, что если бы вам позволяли средства, вы бы одели своего малыша в модном бутике, повезли бы в Дисней –Ленд и кормили бы не американскими окорочками и фруктами, самыми дешевыми в сезоне, а парными цыплятами, ананасами и киви. Если вы не можете претворить в жизнь девиз “Лучшее – детям!”, вам совсем не стоит испытывать перед своим малышом чувство вины. Ваша любовь и забота помогут ему легче справиться и победить зависть к детям из обеспеченных семей (к сожалению, она неизбежна) и быстрее сориентироваться во взрослом мире, где деньги играют, несомненно очень большую роль, но непреходящие ценности остаются непреходящими.

Испытывая чувство вины и искупая его приобретением рублевой жевательной резинки всякий раз, когда ребенок хочет этого, вы можете поставить себя в такую ситуацию, когда, не нашарив в кармане рубля и отказав ребенку, увидите чудовищную реакцию на отказ. Нося в карманах пачки долларов и исполняя любой каприз своего малыша, будьте уверены: его аппетиты очень скоро перегонят ваши доходы. Ткнув пальчиком в крутую тачку

незнакомому дяденьки, он потребует ее здесь и сейчас. И даже если вы готовы удовлетворить и такие запросы, знайте: объяснения об особой процедуре оформления покупки машин будут интересовать вашего малыша меньше всего. Поэтому рекомендация может быть только одна. Нет ничего страшного, если Вы будете, отправляясь в магазин ИНОГДА, ПО ВОЗМОЖНОСТИ покупать ребенку то, что он просит, или заменять это на более дешевое. Порадуйте его и себя! Даже если вы сами хотите и можете каждый раз делать покупки по просьбе ребенка, ИНОГДА сдержите себя и твердо скажите, что не будете делать этого сегодня, придумав правдоподобную причину. Огорчите себя и его, но таким образом вы избежите гораздо больших огорчений и неприятностей в будущем, и не станете главным героями безобразных уличных сцен.

УДАЧНЫХ ВАМ ПОКУПОК!

Кончились продукты в доме, мама в магазин идет,
Но меня она с собою почему-то не берет.
Говорит, что клянчу вечно, плохо я себя веду
У нее ж осталось денег только-только на еду.

Очень скучно одному мне дома целый час сидеть,
Я слегка пошмыгал носом, собираясь зареветь.
“Хорошо, возьму с собою, магазин недалеко.
Но условие такое – ты не просишь ничего!”

У витрины я кричу, топаю ногами.
“Мне купи, купи, купи!”, - говорю я маме.
Пепси-колу и бананы, и водички заодно,
Вон, в бутылке темно-синей! - “Милый, это же вино!”

“Чупа-чупс купи скорее, и “Растишку”, - от него
Дети все растут быстрее дяди Степы самого!
“Дядя Степа” тоже нужен, не испортит аппетит!
Ну, конечно, съем я ужин. Нет, живот не заболит.

И купи мне “Рафаэллу”, без нее - совсем беда,
Тот брикет красивый белый! - “Ерунда!” – «Не ерунда!
Тот брикет ужасно нужный! Может, сладкий он, воздушный,
Может, кисленький и твердый, а ребенок твой голодный!» -

А еще вон то мне нужно, за коробочкой за той,
Если это мне не купят, потеряю я покой!
Ах, откройте же витрину, мне никак не разглядеть!
Очень, очень, очень нужно, просто нету сил терпеть!

Мама шепчет: “Успокойся и на ценник погляди:
Видишь, цифр очень много, а за цифрами – нули!
Очень дорого придется мне за это заплатить,
Чем тогда тебя и папу буду вечером кормить?”

То, что просишь, нам не нужно, это есть совсем нельзя –
Это - в красочной коробке туалетная вода”.
Ну и хитренькая мама! “Нам не нужно!” – вот ответ!
Как же я без той водички обходился столько лет?!

Вот когда приду домой, в туалет возьму с собой!

Галстук купит пусть мне новый! До коленок? Ничего!
Майонез густой столовый и жетончик для метро!
(прохожу в метро бесплатно, но жетончик – так занятно!)

Мне еще нужны игрушки за витриной за другой:
Куклы, слоники, хлопушки, мяч огромный надувной.
Пусть мне купят самокат – удивлю я всех ребят!

А еще хочу скакалку, даже лучше, если две!
Может, три просить? Да ладно, пары хватит мне вполне.
Круг резиновый. Как жалко, что бассейна нет пока!
Ничего, засуну в ванну, там такая же вода!

Мне иметь необходимо новый носовой платок,
Хомячка и черепаху, колбасы большой кусок,
В цирк билет, мобильник, плеер, пистолет, магнитофон,
Кактус, мыло, яркий веер, скотч, лимон и диктофон!

Ну, а чтоб понятно маме стало, КАК я все хочу,
Я укладываюсь на пол, как зарезанный, кричу.
Левой дрыгаю ногой и об пол бьюсь головой.

Знаю я, толпа зевак соберется скоро.
“Дорогой, не надо нам этого позора”, -
Просит мама, осторожно пробуя меня поднять
И пытаюсь безуспешно мой истощный крик унять.

Нет, не буду я вставать! Пусть увидят люди,
Что мне мама покупать ничего не будет!
Пусть ей станет очень стыдно,
А что дальше – будет видно.

Ну, народа набежало! Магазины мало стало.

“Что с ребенком? Видно, плохо! Скорую скорей сюда!
И воды побольше дайте! Ох ты, батюшки, беда!”

Вот, воды мне не хватало! Мне сейчас же лучше стало.
Перестал валяться тут же на грязнущем я полу,
Поднимаюсь я из пыли и спокойно говорю:
«Докторов не надо мне, я здоров, здоров вполне!»

“Что же вдруг ты повалился, плакал, корчился и бился?” -

“Да вот мама ничего мне не покупает,

Говорит, что у нее денег не хватает”.

“Это просто вымогатель!” – крикнул первый покупатель.

“Да, встречался мне такой...” – поддержал его второй.

“Невоспитанные дети!” – пробурчал сердито третий.

И такие уж на нас все бросали взгляды –

Очутиться на луне мы бы были рады.

Маме стыдно за ребенка, мне, конечно, за себя.

Нет, валиться больше на пол я не стану никогда.

Так вести себя не буду - хватит воли, хватит сил!

И прощения у мамы я негромко попросил.

Оставьте на ночь свет, или ночные страхи

Чувство страха заложено в человеке на генетическом уровне. Поэтому если Ваш ребенок боится чего-то того, чего не боитесь вы, это не должно вас расстраивать. Ваш ребенок – не трус! Просто приглядитесь, насколько он мал, присядьте рядом, чтобы Вы оказались с ним одного роста и посмотрите на подходящую к Вам средних размеров собаку. Или попробуйте мысленно увеличить ее раз в восемь. Ну как, впечатляет? Естественный отбор устанавливает жесткие правила, – чем существо меньше, тем сильнее оно должно бояться, если, конечно оно не имеет в запасе таких средств защиты, как неприятный запах, острые колючки или сильный яд. Ваш малыш, однозначно, не обладает этим набором. В далеком прошлом из маленьких пещерных детей доживали до половозрелого возраста только самые пугливые (здесь не учитываются смертельные исходы от заболеваний). Пещерный малыш, кричащий, замирающий или бегущий при подозрительном шевелении ветки, не становился добычей хищника, не наступал на ядовитую змею. Не сам страх, но его проявления спасали ему жизнь.

Вы совершенно справедливо можете возразить, что сейчас не пещерный век, и реальные опасности стали совсем другими. Почему ваш ребенок боится собаки, но совсем не осознает опасности от мчащегося автомобиля? Почему ему не страшен огонь, зато

мифическая Баба-Яга не дает ему спокойно заснуть ночью? Да потому что собака – зверь из прошлого, машины появились не так давно (может, через много поколений дети будут рождаться с навыками знаний дорожного движения), от многих реальных опасностей родители оберегают малыша, не отходя от него ни на шаг, а страх – просто чувство, присущее ребенку. Дикое животное, выращенное в неволе, перестает бояться человека и среды, в которую попадает. Оно перестает бояться всего. Ваш же ребенок, наделенный богатым воображением и защищенный от реальных опасностей вашей любовью и уходом, запросто создаст себе мифический образ, который будет его пугать, как бы в компенсацию за неиспользованное чувство страха перед чем-то реальным. Я не хочу сказать, что на эти страхи не надо обращать внимания. Надо! Надо бороться с ними ежедневно, но мягкими, щадящими методами (почитайте Спока), потому что из запуганного, дрожащего, живущего в страшном придуманном мире существа вырастет в лучшем случае неврастеник. Если же вы вдвоем с ребенком пройдете “страшный” путь, не акцентируя внимание на его “странном” поведении, вспоминать об этом периоде жизни в дальнейшем он будет только с юмором. Жизненный опыт, школьный курс безопасности жизнедеятельности, уроки ГИБДД, общение с вами научат его правильному поведению на дорогах, обращению с огнем и животными. Наберитесь терпения и будьте уверены – ваш малыш вырастет смелым, но не безрассудным!

Я на свете самый храбрый, мне не страшно ничего,
Оставляя меня боится дома мама одного,
И на улице боится: “Может всякое случиться!”

Ну, а я уверен твердо, если не совсем темно,
То плохого не случится никогда и ничего!
С крыши гаража большого вниз я спрыгну всем назло.
Говорят: “Сломаешь ногу! Не сломал? Ну, повезло!”

К злой собаке подбегаю и за хвост ее хватаю.
Ничего, что пострадали брюки, куртка и жакет,
Но зато ребята знают, что меня храбрее нет!

И в квартире не боюсь я совсем пожара-
Зажигалкой я поджег в спальне одеяло!
Но оно не загоралась, тлело и дымилось,
И на нем большая дырка к ночи появилась.

Хоть я плавать не умею, но глубокие места
Мне буквально по колено, ну, подумаешь, вода...
У машины перед носом я, как ветер, пронесусь!
Не боюсь машин, и точка! Мотоциклов – не боюсь!

Мама все меня пугает: “Не ходи с чужими!
Вдруг окажутся они дяденьками злыми?”
Я мечтаю, – миг пришел, и злодей меня нашел!
Он мне скажет: «Мальчик, мальчик! Отведи меня в подвальчик!»
Я, конечно, с ним пойду хоть в подвал, хоть на чердак!
Обезврежу и свяжу, это будет только так!

Мне милиция “спасибо” скажет много раз подряд,
И героем главным стану я тогда в глазах ребят.
Но маньяк ко мне ужасный почему-то не идет,
Видно, чувствует, бедняга, что со мной не повезет

Происходит что со мной, прихожу когда домой?
Если есть в квартире свет, то меня храбрее нет.

Но как только мама мне книжку прочитала
И поправила на мне с львенком одеяло, -
Гаснет свет со звуком “щелк”,
И КО МНЕ ПРИХОДИТ ВОЛК!

Жарко дышит мне в лицо: “Ну-ка, кто здесь трусит?”
И, похоже, что меня он вот-вот укусит!

Что мне делать с этим волком? Вот беда, так уж беда!
Но еще с собой приводит очень многих темнота.

Под кроватью под моей притаился Бармалей,
И кикимора болотная волосатая, холодная,
В дальнем спряталась углу и сидит там, ни гу-гу.

И за шкафом кто-то бурый, мне его не разглядеть
Он ворчит с гримасой хмурой - это, кажется, медведь!

А в самом шкафу засели то ли птицы, то ли звери
Никогда таких не видел (я пока что не учусь),
Может, их и не бывает: сам придумал - сам боюсь!

Я придумал очень многих: печника с одной ногой,
Проживает, в ус не дуя, он за газовой плитой.
Если темной-темной ночью вдруг на кухню я пойду,
Об его споткнусь усищи и пребольно упаду.

Ванник в ванной затаился и меня, конечно, ждет:
Только в ванну дверь открою - Он водой меня польет!
Люстрик прыгает по лампам – мягкий с лапками мешок,
Если на меня соскочит, будет у меня ожог.

Ночью вся полна квартира троллей, гоблинов и фей...
Как они сюда влезают? Очень мало места в ней!
Я их видеть не хочу, и от страха я кричу.

Я залез под одеяло, (так снаружи страшно стало!),
И всего одно желанье бьется у меня в груди:
“Мама, мама! Очень страшно! Поскорее приходи!”

Мама входит, свет включает, каждый угол проверяет,
Не находит никого, оставляет одного.
Но куда же все девались? Где медведь и Бармалей?
Где кикимора и эльфы? Люстрик, маленький злодей?
А они, они нигде! У меня лишь в голове!

От себя от самого не уйти мне далеко,
И тогда решил я так: раз во мне все дело,
Справлюсь я со страхом сам, я ведь очень смелый!
Темноту зову на бой - пусть поборется со мной!

Чтобы храбрости набраться, темноту чтоб победить,
Упросил я маму ночью свет неделю не гасить.
И я видел все семь дней - не приходит Бармалей!

Люстрик света яркой лампы тоже выдержать не смог,
Как-то убежал из дома, может, через потолок?

Скоро убедился я, - лишь одна моя семья тут живет,
А остальные, те, кого боялся я
Ускакали, испарились и покинули меня!

Свет теперь не нужен мне – никого не видно.
И кого боялся я! Самому обидно!

Школа – это здорово!

Может, Вы помните, с каким нетерпением Вы ждали первого сентября? С какой радостью Вы первый раз шли в школу? Вам повезло, если Ваш ребенок испытывает те же чувства. У большинства детей чувство волнения при мысли о необходимости идти в школу смешивается с чувством страха, а порой чувство страха даже преобладает. Это вполне естественно и нормально, Вы ведь тоже волнуетесь и испытываете страх, сдавая экзамены или устраиваясь на новую работу. Только у ребенка эти чувства могут быть усилены многократно: у него еще слишком мал жизненный опыт, чтобы достаточно легко начать новый этап. Для любого первоклассника школа – это новый коллектив, первый преподаватель и ПОЛНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ. Для ребенка же, который не ходил в детсад, даже коллектив – первый.

Поступая в институт или на новую работу, взрослый проводит аналогии, ищет и находя примеры в своей памяти. Но ребенку-то и искать негде. Поэтому страшно. Я бы посоветовала родителям первоклашек в последний год перед началом учебы читать им как можно больше книг о школе. Во-первых, ребенок почерпнет оттуда знания о все приближающейся неизвестности, и эти теоретические знания сможет применить в дальнейшем в конкретно возникнувшей ситуации. Во-вторых, школа уже не будет

казаться ему столь страшной, потому что страшных книг о школе не так уж и много, и если Вы такие найдете, просто не читайте их. И, наконец, может, они вызовут у ребенка такой интерес к школе, что первого сентября рядом с Вами пойдет взволнованный, но радостный, а не испуганный малыш.

“Вася-Василек! Подъем!” - послышался мамин голос, и Васька, легко, как всегда, откинул одеяло, спрыгнул с кровати на пушистый ковер и побежал умываться. Горячей воды не было, и Васька ограничился тем, что несколько раз брызнул водой на лицо, прислонился носом и ладошками к полотенцу, и, вернувшись в комнату, привычно потянулся за одеждой. “Ох!”, - он отдернул руку. От рубашки, казалось, исходило сияние: такой она была белой, а уж отглажена – ни одной складочки! До такой и дотронуться-то страшно! Васька подозрительно посмотрел на свои ладошки и, вздохнув, снова отправился в ванную. Холодной водой мыло долго не смывалось, и пальцы через минуту стали розовыми, как сосиски. Васька подумал – подумал и решил заодно вымыть и шею. Набравшись мужества, он нырнул под холодную струю и завизжал. Набранное мужество куда-то мгновенно испарилось, зато на крик прибежала мама. “Мама, не могу я такую чистую рубашку одеть на грязную шею! И шею не могу мыть такой холодной водой! Дай мне мой серый свитер!” – попросил Васька, растирая замерзшие пальцы. “Ты на праздник в сером свитере идти собрался?” – поинтересовалась мама, и Васька сразу все вспомнил...

Сегодня же выпускной вечер в детском саду! Васька сразу заволновался. На вечере будут все родители, и он, Василий, будет этот вечер открывать. Он, как артист, встанет на сцену и прочитает стихи. Потом девочки будут плясать, вся группа хором споет “Голубой вагон”, и будут веселые конкурсы, и чаепитие, но главный на празднике – он; без Васьки праздник просто не начнется. Васька проверил про себя, не забыл ли он стихотворение. Нет, все в порядке.

Мама сжалилась, принесла в ковшике теплой воды, и проблема с шеей через две минуты была решена.

Когда Васька вошел на кухню, папа как раз собирался откусить кусок бутерброда, но, увидев сына, всплеснул руками и закричал: “Василий! Старик! Ты ли это? Да нет, похоже, это какой-то взрослый деловой человек... Вы к нам по какому вопросу, юноша? Рекламным агентам вход на кухню во время еды строго

запрещен!” – и папа сердито нахмурился. “Да что ты, папа, это я, Вася! Просто на мне галстук! Хочешь, сниму, чтобы ты меня узнал?”. “Точно!” – папа перестал хмуриться и заулыбался. “Какой же ты взрослый, малыш! Да и не малыш ты уже: малыши в садик ходят, а ты, считай, с ним уже попрощался, школьник без пяти минут!”. Васька сразу помрачнел. Любое упоминание о школе пугало его до ужаса. Васька очень любил свой детский садик, и всех ребят в группе, и обеих воспитательниц – Анну Ивановну и Римму Юрьевну. Римму Юрьевну больше, потому что она была веселая, одевала яркие, нарядные платья и очень редко предлагала играть в “молчанку”. Так себе игра, но Анна Ивановна еще и неправильно в нее играла. Она, конечно, соблюдала правила, молчала, как все, но в игре как бы и не участвовала, читала книжку. А в “молчанке” весь интерес в том, что надо молчать, когда говорить хочется. Анна Ивановна ни разу не проиграла, а вот с Риммой Юрьевной такое случилось. Васька и сам иногда неправильно играл: надо было просто начать думать о чем-нибудь интересном, и тогда говорить уже не хотелось, и было жалко, что игра кончилась, а додумать про интересное не успел.

“Как же я буду без садика?” – топая знакомой дорожкой между папой и мамой, думал Васька. На его раскладушку в тихий час ляжет кто-то новенький, и он же поедет с садиком на дачу. Как замечательны были эти поездки! Воспитатели водили детей на речку и по очереди купали, а потом стелили на полянке клетчатое одеяло и ложились загорать. Детям разрешалось играть самостоятельно, главное, не отходить далеко. Время от времени одна из воспитательниц поднимала голову, зорко оглядывала окрестности, и над полянкой летел тревожный крик: “Маша! Петрова! Я тебя не вижу!”. Маша тут же выходила из-за какого-нибудь кустика с травинкой, на которую были нанизаны спелые ягоды земляники, и воспитательница со вздохом облегчения укладывалась на одеяло.

Один раз Ваське несказанно повезло. На полянке вообще-то каждый день можно было найти уйму интересных вещей: симпатичные кусочки сосновой коры, жуков-щелкунов, ящериц, лягушат.... Но в тот раз великолепие находки заставило Ваську затаить дыхание. В траве сидела большая лягушка. Не просто какой-то там мелкий лягушонок, а, наверное, лягушиная королева. Ведь бывают королевы у пчел! И сказка про Царевну-Лягушку есть! Васька подкрадывался к лягушке целую вечность, и его терпение было вознаграждено: царская лягушка стала его добычей! Царевна еле умещалась в руках, ее влажная тонкая кожа приятно холодила ладошки, а золотых глазах, казалось, притаились смешинки. Васька едва верил своей удаче! Надо было немедленно поделиться

находкой с любимой воспитательницей! Васька бережно донес красавицу до клетчатого одеяла и ласково опустил ее на спину Риммы Юрьевны. Римма Юрьевна подпрыгнула, лягушка свалилась на одеяло и ускакала в траву. Васька разревелся от обиды и на лягушку (почему ускакала?), и на воспитательницу (как она могла не оценить столь щедрый дар?). Ну что ж, лягушку было уже не вернуть, а Римма Юрьевна уверила Ваську, что ценит его широкий жест, и что лягушка обязательно бы ей понравилась, просто все слишком уж неожиданно произошло. Васька так погрузился в воспоминания о прошедшем лете, что не заметил, как подошел к знакомым дверям. Он снова ужасно разволновался, и еще раз повторил про себя стих:

В детский садик все сегодня мы в последний раз идем,
По дороге пес огромный мне вильнул своим хвостом,
Птичка мне прошебетала: “Этот день ты не забудь!”,
И короче показался мне сегодня в садик путь.

На любимые игрушки я в последний раз смотрю,
“До свиданья, до свиданья!”, - про себя им говорю.
Мишка бурый, отвернувшись, смотрит в ясное окно,
Носом шмыгая, вздыхает: “Школа ждет тебя давно”.

Трудный стих, и про школу в нем лишнее.

Выпускной вечер прошел весело, но быстро. И был почему-то не вечером, а утром. И уже через час Васька не знал, куда себя девать. Он слонялся по квартире и пытался занять себя хоть чем-нибудь, и буквально через час мама, устало присела перед Васькой на колени и жалобно попросила: “Василий! Сходи поиграй во двор. Может, тогда я смогу убрать все это безобразие”. Васька оглянулся. Ого, и был-то он дома всего ничего, а такой тарарам устроил! Везде крошки (это он печенье потихоньку жевал), его игрушки разбросаны где попало, на трюмо лужа маминых духов и горка пудры (что поделать! Свой-то машинки давно уже надоели!), на полу вода (это он пытался сбить на лету муху, как рыба-брызгун, не получилось, правда). Мама выглядит как-то странно: наверное, оттого, что давно уже ходит за Васькой по пятам, подбирает, подтирает, подметает, а грязь все никак не кончается. “Ну, ладно”, - подумал Васька, - “Надо на улицу выйти, может кого знакомого встречу!”.

И встретил. Всю свою группу в полном составе. Оказывается, дома у всех получилось одно и то же; все скучали, все разводили грязь и доводили родителей до головной боли бесконечными “Почему?”. Первым на площадке оказался Андрюша

Рыбин, он, оказывается, тоже за мухой охотился, но не как Васька, а с применением достижений техники: взял баллончик дихлофоса и распылил его на насекомое. Муху он победил, но зато сам вместе с мамой и бабушкой убежал из квартиры. Дышать там стало невозможно. Андрюшины мама и бабушка сидели рядом, на скамейке. Лена Попова, первая чистюля в группе, решила помочь маме и постирать свою майку. Бросила ее в ванну, открыла кран и отошла ненадолго, чтобы воды побольше набралось. Ну, ее и набралось побольше, даже через край перелилась. Хорошо еще, что Лена на первом этаже живет, а то бы и соседей залила. Ленина мама убирала дома потоп.

Вадик Бородин пытался починить своего ломаного солдатика: поднес одну половинку к горящему газу, чтобы пластмасса размягчилась и к другой половинке прилипла, а она загорелась, выбрасывая клубы черного вонючего дыма и липкой, жирной копоти. Рукам стало горячо и Вадик бросил горящий сгусток, с которого еще и капать что-то начало, на пол. Прибежал папа и залил этот кошмар горстью воды, но кусок линолеума был безнадежно испорчен, папа отправился покупать новый. Так что у всех что-то неприятное от скуки произошло, Васька, оказывается, еще просто ангел по сравнению со всеми, недаром последним на площадке появился!

Весь июнь Васька провел в городе. Это же ужас, что такое! Жарища, пылища! Одна радость – вся группа вместе. Надо было, хочешь – не хочешь, готовиться к школе. Ну, покупкой таких нужных предметов, как тетради, карандаши и линейки, занимались в основном папы и мамы, а вот ходить по врачам, чтобы оформить специальную школьную медицинскую карту, они точно не могли. Врачи хотели лично видеть каждого ребенка и проверить и слух, и зрение, и какая спина – прямая или кривая. Оказывается, от этого зависит, кто за какой партой сидеть будет.

Все хотели сидеть за первой, но навряд ли в школе было так много первых парт. Проблемы навалились такие – раньше и не снилось! И главная – в какую школу пойти? Ясно дело, в самую лучшую! В английскую, или там, в математическую гимназию. Не тут-то было! Такие школы, оказываются, не всех подряд берут, а устраивают экзамены для детей. Хорошо, в детском саду писать и читать научили, и Васька без особого труда заполнил листочек, который назывался “анкета”. Вопросы были ерундовые: имя, фамилия, адрес. Васька на экзаменах всего две ошибки сделал. Первую, когда написал что его имя – Васька, надо было – Василий, а вторую, когда на вопрос “место рождения” ответил “роддом”. Он правильно ответил, просто строгим экзаменаторам надо ведь было к

чему-нибудь придаться! Но все равно его приняли в английскую школу, и Машу Петрову, и Андрюшу Рыбина. Втроем идти в школу уже не так страшно! А Вадику с Леной не повезло, не смогли ответить на какие-то вопросы – и вот Вам, пожалуйста! Ищите школу попроще! Вадик пошел в простую, а Лену папа устраивает теперь в такую, где каждый месяц кучу денег платить надо, и одновременно вторую работу ищет.

И тут вдруг выяснилось, что у маминой подруги тети Гали есть настоящий домик в деревне, и она туда едет и берет с собой и маму и Ваську! Правда, не на все лето, у мамы отпуск – месяц всего.

Как же здорово оказалось в этой деревне! Прямо по улицам ходят куры, гуси и коровы, около заборов лежат на солнце свинки, а лягушки в огороде такие, что та, прошлогодняя, теперь казалась совсем маленькой. Может, и правда, казалась? В огороде росла такая клубника, что если бы Маше, любительнице ягод, захотелось сделать из нее бусы, то ей бы пришлось не травинку искать, а целую ветку! И речка рядом, правда, мелкая, в деревни ее ручьем называют, и лес недалеко – только овсяное поле по тропинке пройти. Васька часто ходил туда с мамой за черникой. Тетя Галя каждое утро начинала с того, что говорила Ваське: “Василий! В ручье хоть целый день плескайся, не опасно, а в лес одному ходить строго-настрого запрещаю, у нас и волки, и медведи водятся!”. Ну, Ваське-то понятно было, что тетя Галя просто так пугает, потому что сама боится, как бы Васька в лесу не заблудился. Что, Васька в лесу никогда не был и не знает, что там зверя крупнее ежа не встретишь? Как любой нормальный городской ребенок, Васька знал о существовании и львов, и тигров, и волков с медведями, и жирафов и видел их в зоопарке, причем они воспринимались именно как неотъемлемая часть клетки. И фильмы по телевизору с их присутствием воспринимались как фильмы, поэтому первая встреча с живым медведем в лесу заставила его на время поверить и в лешего, и в кикимору болотную. Да, именно первая встреча, потому что за лето их было две!

В тот день они с мамой, как обычно, пошли за черникой. У мамы в руках была литровая стеклянная банка, вокруг горлышка которой была завязана ленточка, а уже к этой ленточке крепилась веревка, которой мама привязывала банку себе на пояс. Очень удобно! Свободны обе руки, и как не наклоняйся, банка всегда вниз дном – чернике не просыпаться. У Васьки в руках ничего не было, ему разрешалось собирать ягоды в рот. И вот мама набрала уже полную банку черники (а Васька еще наестся-то не успел), отвязала ее от пояса, и Васька взялся за веревку, чтобы помочь маме донести ягоды. Мама и Васька пошли к дому по тропинке между колосьев

овса, как вдруг сзади что-то зашумело, как будто корова, шумно сопя носом, продиралась через овес. Но когда Васька и мама оглянулись, они увидели не корову, а огромную коричневую волосатую гору, которая двигалась по тропинке прямо на них. Медведь шел почему-то на задних лапах, и был в сто раз огромнее и страшнее милых мишек в зоопарке или цирке. Мама, не выпуская банку, ухватила Васькину ладошку, и они побежали. Вот это был бег! Не хуже, чем у Алисы с королевой! Васька бежал изо всех сил, но мама бежала гораздо, гораздо быстрее. Васька много раз падал, и мама волочила его за собой по земле, пока он не поднимался и не начинал снова перебирать ногами. Один раз банка с черникой ударила его по голове, но он почувствовал только удар, а не боль. Остановились и оглянулись они только у своего дома: никто за ними не гнался, да отсюда и поля не было видно. Мама села на крыльцо, закрыла лицо руками и заплакала. Из дома вышла тетя Галя и всплеснула руками: “Ох, где же ты так, миленький!”. А потом закричала на маму: “Ну что ты сидишь и реवेशь? Неси воды!”. Но мама даже не пошевелилась. Тогда тетя Галя убежала обратно в дом и быстро вернулась с ведром воды, ватой, лейкопластырем и какими-то пузырьками. Эту воду она стала лить Ваське на голову, и тут он заметил, что вода почему-то красная. Потом она стала розовой, а когда превратилась в обычную прозрачную воду, тетя Галя открыла пузырек с зеленкой и стала ему мазать лоб и правее, зачем, непонятно, но хоть не больно было. Затем прилепила сразу несколько лейкопластырей и только после этого сказала: “Ну, рассказывай!” К концу рассказа Васька почувствовал сильную боль у виска, и тетя Галя сказала: “Ладно, заживет твоя рана. Хорошо еще, что банка тебя горлышком стукнула и кожу пробила, а то синяк бы был не меньше, чем голова”. Потом тетя Галя помогла маме встать с крыльца, отвела ее в дом и положила на кровать. Мама лежала и молчала два дня, и Васька уже стал думать, что так будет всегда, но на третий день мама вдруг неожиданно села на кровати и громко сказала: “Все! Больше я в лес не пойду!”. Васька очень обрадовался, что мама поправилась, но про лес огорчился. Ну, подумаешь, встретили медведя, не каждый же день такое случается, и, в конце концов, не съел же он их! Хорошо, что мамино обещания ненадолго хватило, прошла неделя, и она задумчиво сказала: “Да! И страшно, и хочется!”. Васька сразу понял, о чем мама думает, и так жалобно стал ее упрашивать, что мама, наконец, сдалась, и они снова пошли за черникой, правда, мама взяла не удобную стеклянную банку, а пластмассовое ведерко. “Так, на всякий случай!”, - сказала она. И, как назло, случай произошел. Не успели они с мамой сорвать первые ягоды, как Васька заметил

какое-то движение на довольно далеко стоящем от него дереве. Видно было плохо, и он, чтобы не вспугнуть что-то шевелящееся, подергал маму за брючину, и показал на таинственное дерево пальцем. И, уже указывая, угадал в шевелящемся клубке медвежонка. Тут же, как на картинке-загадке, четко обозначился и второй медвежий малыш, и их мамаша, которая неподвижно стояла под деревом и напряженно следила за своими мохнатыми детьми. Мама, обняв Ваську за плечи, осторожно сделала шаг назад, потом еще, и так они вдвоем медленно пятились, пока медвежье семейство не скрылось из виду. Ваське даже удалось нагнуться и сорвать кустик особенно крупной черники – для тети Гали. А потом они опять побежали. Не так, как в первый раз, теперь мама приноравливалась к Васькиному темпу. И никаких неприятных последствий эта встреча не имела, привыкли они к медведям, что ли? Правда, этот поход в лес оказался действительно последним, но теперь Ваське даже некогда было об этом пожалеть: к тете Гале приехал ее сын с двумя друзьями. Все они были уже взрослыми, успели окончить школу и поступить этим летом в институты, и так интересно обо всем рассказывали, что Васька слушал их и никак не мог наслушаться. От дяди Паши Васька узнал, что красивые, пестрые крылья бабочек окрашены совсем не пылью с цветов, а крошечными чешуйками, содержащими цвет, и что жираф спит в сутки всего двадцать минут, и то с перерывами. Дядя Гена рассказал о том, что когда рождается ребенок, он, оказывается, все видит вверх ногами, а потом у него все становится на место. Даже есть такие очки специальные: оденешь их, и, пожалуйста! – как будто на голове стоишь. А поносишь немного – опять под ногами земля, а не небо. Только привык, снимаешь – опять все вверх тормашками. Просто чудеса! А дядя Витя так ласково говорил о камнях, как будто они живые. От него Васька узнал, что многие камни можно выращивать, и что у них есть память, и что привычные прозрачные стекла сделаны из непрозрачного речного песка. И еще много-много интересного знали эти три друга, а на Васькины вопросы “откуда” отвечали одинаково: “В школе проходили”.

Да, напрасно, выходит, Васька школы боялся! И он стал с нетерпением ждать первого сентября.

Все было радостно и торжественно, как на выпускном вечере в садике. Васька очень хотел ехать у папы на плече и звонить в звонок, но ехала и звонила Маша Петрова. И стихи прочитал не Васька, а незнакомый мальчик:

Как красавица на сцену, входит осень, не спеша,
Словно сказочным нарядом, тихо листьями шурша.

В этот год теплом и светом одарила осень нас,
С самым первым днем учебным поздравляя первый класс.

На асфальте начертила, как прилежный ученик,
Разноцветные узоры – хоть пятерки ставь в дневник.
До морозов пусть до первых остаются дни такими,
А медали, как и листья, будут только золотыми!

И вот началась учеба. Сначала Ваське было трудновато сорок минут играть в молчанку, тем более, о своем не подумаешь, надо учительницу слушать, а Анна Николаевна в молчанку со всеми не играла. Васька все ждал, когда же начнут рассказывать про самое интересное: про животных, которые дышат без легких, или про древних египетских царей и их мумии, или про извержения вулканов, но ничего такого не происходило, поэтому он поднял руку и задал учительнице самые важные вопросы, да и то не все. Анна Николаевна засмеялась и сказала: “Ишь ты, любопытный какой! Я обещаю тебе, что ты узнаешь обо всем. И даже о том, о чем сейчас не догадываешься. Но не все сразу. Пока надо научиться просто сидеть и слушать. И Васька стал учиться.

Щас ка-ак плюну, или напускная крутизна

Даже если каждый член Вашей семьи - наследственный герцог с тремя высшими образованиями, а ребенок с года умеет пользоваться ножом и вилок, будьте готовы к тому, что его поведение в какой-то период может отличаться от вашего и вас шокировать. Семья для ребенка пусть и самая важная, но все же часть мира. А мир в основном заполнен не герцогами. Конечно, в первую очередь ребенок берет пример с вас, но позже начнет брать его со сверстников и более старших детей. Изолировать ребенка от мира безнравственно, бесполезно и глупо. Он неизбежно столкнется с детьми, родители которых своим асоциальным поведением и образом жизни исковеркали им жизнь. Увиденное, услышанное ребенок принесет домой. Будьте терпеливы и настойчивы! Плохие манеры необходимо безжалостно искоренять! В возрасте 3-7 лет достаточно указать ребенку на то, что в семье никто «так» не делает и не говорит, объяснить, что вам это неприятно и очень вас огорчает. С семи лет, если плохие манеры все же появились, можно для борьбы с ними использовать наказание, лучше, конечно,

материальное. К восьми годам ребенок или усваивает хорошие манеры, или нет, и, если нет, вините в этом себя. Если же вы пуритане, ханженские манеры могут вызвать в ребенке более старшего возраста элементарный протест. Ну, не стоит брезгливо поджимать губы, если из уст 16-летнего подростка вылетело слово «блин»! Лучше бы без него, но что поделаешь, они все так говорят. Пример всему миру в воспитании детей, чопорные англичане, одинаково любят и безукоризненную Елизавету и бесшабашную покойную Диану.

В нашем доме проживает Коротаев Слава.
«Не дружи, сыночек с ним!» – говорит мне мама.

Ну, тоже скажет: «Не дружи». Хотя б не прогонял!
Я утро, вечер, день и ночь с ним рядом бы стоял!

Он взрослый парень, он - крутой, одиннадцать уже!
Ну почему он не живет не нашем этаже?

Мы вместе с ним с водой пакет кидали б на старушек,
И «настреляли» б сигарет, и мучили б лягушек.

Спустились в темный бы подвал и покурили там.
Ах, если б он меня позвал! Я все ему отдам!

Но он не смотрит на меня, мой идол, мой кумир!
Сережку в ухе теребя, он покоряет мир.

Вышел из парадной Слава и ногой поддал щенку.
«Ах ты, Ирод!» – тетя Клава из окна кричит ему.

Славка только усмехнулся, с клумбы оборвал цветы,
Сплюнул, громко чертыхнулся и полез курить в кусты.

Накурившись, вылез Слава, я окурок подхватил:
Ну и запах! Вот отравка! Я ведь в жизни не курил.

Положил бычок в карман, Славка не заметил,
Слышу: «О, салют, братан!» - Славик друга встретил.

Видно, весело им было: громко хохотали
И асфальт вокруг себя дружно заплевали.

А ругаются-то как! «Эй, пили сюда, сопляк!»
«Ну, засохни!», «Отвали!», «Жирная корова»...
Я ловлю, раскрывши рот, каждое, блин, слово.

Каратаев тут заметил, что стою я близко:
«Ну, давай, вали отсюда, тощая редиска!»

Нет, мне с ним не подружиться! Я, заплакав, отошел.
Надо ж этому случиться! Зажигалку я нашел!

Все! Теперь увидит каждый – я та-акой крутой!
Очень клевый, очень важный и совсем большой!

Сплюнул я красиво, длинно – на штаны попал себе,
Из окошка тетя Зина погрозила пальцем мне.

Я ничуть не испугался и на клумбе потоптался,
Зацепил ногой цветы, носом улетел в кусты.

Зажигалкой шелкнул громко – опалил на челке клочок.
Затянулся – стало горько, ну, какой в куренье толк?

Лег на куртку пепел грязный, закружилась голова,
Мир стал серый, безобразный, Славкины забыл слова...

Курточка в кошмарном виде, от слюны штаны блестят,
Нет волос – ну посмотрите, как пойду я в детский сад?

Крутизны не надо мне, буду я такой, как все.

Зачем мне брат, или проблемы, связанные с появлением второго ребенка

Этот раздел предназначена тем родителям, у которых уже есть ребенок, но они планируют увеличение семьи. Вы представить себе не можете, как вам повезло, если ваш малыш (а, может не малыш вовсе, а подросток или вполне взрослый человек) вместе с вами ждут прибавления в семье! Чаще всего так и бывает, и, напротив, родителям приходится объяснять, особенно малышам, что их желание иметь братика или сестричку сейчас невыполнимо. Причина в 90% случаев банальна – отсутствие средств, позволяющих одеть, накормить и теперь уже и дать образование еще одному ребенку. Малыши обычно легко справляются с этими проблемами: «Мама! Ну, купи (роди) мне сестренку! Я буду есть совсем-совсем немного, я отдам ей свои туфельки и майки, все равно они мне малы!» Дети более старшего возраста тоже готовы многим поступиться ради будущих братьев и сестер, но, более трезво оценивая ситуацию, в качестве компенсации они могут предложить пожертвовать платным кружком, занятиями с репетитором, летним отдыхом. Дети (да уже и не дети) 15-17 лет готовы помогать родителям не только уходом за новым членом семьи, но, порой и материально. Мотивов того, почему ребенок хочет появления младшего брата или младшей сестры, довольно много, и не все они так уж замечательны. Желание заботиться, ухаживать за беззащитным на первых порах существом может быть вполне искренним, но закончиться внезапно и без видимых на то причин: а вот просто надоело! Кто заводил для ребенка домашнего питомца, вполне мог с этим столкнуться. Нет, это не правило, просто вероятностный ход развития отношений между двумя детьми. Другим мотивом может быть элементарная зависть к Кате или Пете: вон, у них есть братик, а у меня нет! Чем я хуже? Ну, и уж совсем по Фрейду: если Вашего ребенка притесняют и обижают, он может мечтать занять главенствующее положение над новым членом семьи и таким образом самоутвердиться. Я не думаю, что стоит впадать в панику и даже пытаться понять, что движет вашим ребенком в его желании иметь брата или сестру, потому что с рождением малыша рано или поздно придет и любовь, и гордость за него, и чувство ответственности. Ваши дети подерутся и помирятся, скажут друг другу не раз, что ненавидят друг друга, но будут всю жизнь любить друг друга самой нежной любовью. Это произойдет и в том случае, если ваш первенец вовсе не настроен на появление нового ребенка.

Если ваш ребенок настроен категорически против нового малыша, ситуация складывается гораздо трагичнее. И тут мотивов может быть море: и ревность, и боязнь потерять главное положение в семье, страх материальных ограничений, связанный с необходимыми расходами на младшего, негативное отношение к отцу, отчиму или мачехе и многое другое. И опять таки, мотивы не так уж важны, гораздо важнее, что в душе вашего ребенка на время воцаряется ад, а какой это может быть ад, даже страшно представить, а каково это чувствовать!

В этом разделе две части. Одина – для вас, родители! Если ваш ребенок не проявляет дикого восторга по поводу предстоящего радостного события, не исключено, что он терпит тяжелые душевные муки. Прочитав первую часть, вы сможете хоть немного к ним прикоснуться и избрать такое поведение, которое немного облегчит жизнь вашему первенцу в тяжелый для него период. Рецептов, как это сделать, просто не существует. Попробуйте почитать Карнеги и Спока, правда, все равно не поможет. Здесь лучший доктор – близкий человек, *разделяющий* боль. Ох, сейчас я Вам дам такой непедагогический совет, что самой страшно! Но если он сработает, и вы выведете старшего ребенка из жуткой депрессии, считайте его педагогическим. Наверное, вам будет очень нелегко скрыть свои истинные чувства, но пересильте себя, попробуйте дать понять своему ребенку, что рождение малыша тоже вам не в радость, но уж так получилось, будем терпеть его вместе. ***Мы будем его вместе не любить.*** Все будет, как у всех, и, как у всех, придет любовь. Но не через боль.

Вторая часть книжки предназначена для вашего «старого» ребенка, она поможет сделать ожидание рождения нового человечка радостным и светлым.

Пусть в Вашей семье царят согласие и любовь!

Андрюшка мрачнел с каждым днем. Андрюшкин мир рушился. То есть разрастался. И рушился, разрастаясь. Андрюшкин мир был огромным и гармоничным, но незаконченным. И эта незаконченность таила в себе ожидание. Сегодня, например, мир неожиданно пополнился стайей белых с черными головами чаек, неизвестно для чего опустившихся на детскую площадку. Легкие и грациозные в полете, на земле птицы оказались неловкими и неуклюжими, и Андрюшке стало казаться, что полет – это какое-то волшебство, которое сможет превратить да вот кошку хотя бы во что-то новое, чудесное и загадочное. Придя домой, Андрюшка несколько раз подкинул над диваном своего любимого кота Сайта, но Сайт ни во что не превратился, так и остался котом.

Да, до недавнего времени мир менялся, а не рушился. Перемены были хорошими и не очень. Друг мог очень быстро превратиться в злейшего врага, но ненадолго, потом он снова становился другом. Могли появиться новые друзья, а могли и враги. Но существовала некая опора всего мира, и это была мама. Она вносила в мир стабильность, была его центром, держала его на себе. Поэтому то, что мама вдруг начала меняться, означало конец всего. Мама разрасталась. В физическом смысле. У нее рос живот. Андрюшка был не настолько глуп, чтобы не понимать, что это значит. Вот Лешик, друг по даче, все приставал к своей маме: «Хочу братика или сестричку!» Дурак! Андрюшка бы согласился с радостью на увеличение своего мира, если бы это увеличение произошло за счет появления в доме кого угодно – собаки там, или хомячка, или пусть бы приехала какая-нибудь дальняя родственница. Это бы не касалось центра мироздания – мамы. А так – касается. И как же разговоры и заверения: «Ты мой самый-самый любимый! Ты мое солнышко!»? Солнышко ведь одно. И самый-самый только один может быть. А скоро, ох, как скоро появится еще кто-то, и уже все знают, что мальчик. И где гарантия, что именно он, новенький, не станет «самый-самый» и «солнышко»? Но даже если мама все равно будет больше Андрюшку любить, в любом случае новенькому кусочек любви достанется, а, значит, любовь к Андрюшке уменьшится. Просто невыносимо представить, как Андрюшке будет не хватать этого оторванного от него кусочка любви! Как славно они с мамой раньше разговаривали! Это была одновременно и игра, и что-то очень-очень серьезное. Начинал всегда Андрюшка. Он говорил: «Мама!» **особенным** голосом и замолкал. Продолжить должна была мама. Она сразу все понимала, но делала вид, что не понимает, и спрашивала беспечно, как будто ей и не важно было, о чем сейчас пойдет речь: «Что?»

-Я тебя люблю.

-Я тебя тоже очень люблю.

-Я тебя сильнее.

-Нет, я.

Это «Нет, я!» продолжалось долго-долго, пока Андрюшка не говорил:

-Я люблю тебя на тысячу рублей!

-А я тебя - на сто тысяч!

-А я - на миллион!

-А я - на миллиард!

-А я – на сто километров!

-А я – на тысячу лягушек!

-А я – на пятьсот майских жуков!

-А я – на триста дождевых червяков!

И так без конца. А появится новенький? Что, мама будет теперь любить Андрюшку не на миллиард рублей, а на рубль меньше? И меньше на одного червяка и лягушку? И всего остального, смешного и серьезного одновременно? Невозможно перенести!

Мама видела, как мрачнел Андрюшка, мучилась, переживала. Она проводила с ним гораздо больше времени, чем раньше, ведь теперь ей не надо было ходить на работу. Она и читала ему, и рассказывала стихи, они вместе ходили гулять на бульвар, но все это было не то, не то, потому что скоро все должно было измениться, кончиться. Уже изменилось. Еще ничего не произошло, еще не появился новенький, а мир уже поменял свое отношение к Андрюшке. Если раньше на бульваре знакомые и незнакомые тетеньки, гуляющие со своими дочками и сынками, говорили с мамой исключительно о детях, а, значит, об Андрюшке тоже, то теперь разговор заходил в основном о маме, Андрюшке же задавался всего-навсего один неизменный вопрос: «Ну как, будешь любить своего братика?» «Нет!» - бурчал Андрюшка и отходил. А чего врать-то? У тетенок сразу делалось серьезное и озабоченное лицо, и до Андрюшкиных ушей успевало долететь слово «ревнует!»

Андрюшка ходил в какой-то экспериментальный детский садик, и довольно часто педагог-психолог (между ребятами – просто псих) давала детям задание нарисовать два домика – один хороший, голубой или розовый, с цветочками вокруг и солнышком наверху, а другой – черный, некрасивый и кривой, и чтобы сверху были тучи, и шел дождь, и просила рассказать, кого в какой домик надо поселить и почему. Раньше Андрюшка неизменно поселял в хороший домик маму, девочку Таню, потому что у нее были красивые вьющиеся волосы и большие глаза с длинными ресницами, Сайта и друзей по даче. В городе дачные друзья всегда были друзьями, мелкие дачные обиды быстро забывались. Папа и

городские друзья кочевали из домика в домик, в зависимости от их поведения. Теперь же постоянным и неизменным обитателем черного кривого домика стал брат, и Андрюшка серьезно задумывался над тем, что надо бы туда поселить и маму, раз она так его предала, но не решался. Останавливало еще и то, что псих будет приставать с вопросами, с чего это мама попала в это жуткое строение. С него вполне достаточно, что псих каждый раз нудно бубнит, как нехорошо быть эгоистом, что мама будет любить Андрюшку после рождения брата не меньше, и что жестоко селить беззащитную крошку, маленького брата, в такое нехорошее место. Но все эти разговоры ни к чему не приводили и не могли заставить Андрюшку переселить будущего пожирателя маминой любви.

И вот мир пошатнулся и затрещал по всем швам. Маму отвезли в роддом. В квартире сразу стало пусто и неуютно. Папа, как сумасшедший, курил на лестнице или глядел в потолок, лежа на диване. Андрюшка к нему и не приставал без особой необходимости, если только надо было вытереть попу или завязать шнурки. И то, и другое папа бросался выполнять с таким энтузиазмом, что тошно делалось. А за телефонную трубку хватался, когда еще не успевала отзвучать первая трель звонка. Рука у него дрожала, глаза становились блестящими, а «Алло!» выходило таким, как будто телефон не стоял около кровати, а к нему надо было бежать несколько километров, преодолевая сложные препятствия. Звонки были, видно, несерьезными, глаза и голос у папы после первых же прослушанных слов становились пустыми и безразличными даже в том случае, если звонили близкие друзья. Точно также он пустым и безразличным голосом поговорил и сегодня со своим самым лучшим другом, и, чуть помедлив, положил трубку на место как будто замерзшими руками. Телефон зазвонил снова. Папа задумчиво смотрел на него, пропуская резкие, настойчивые звонки, потом зачем-то нажал кнопку «громкая связь». И мы услышали незнакомый мягкий и теплый голос: «Здравствуйте! Квартира Полутиных? Позовите, пожалуйста, Андрея!» Папа недоуменно посмотрел на меня, да я и сам удивился не меньше его, меня никогда еще не звали к телефону взрослые незнакомые люди. Я подошел к аппарату поближе и четко сказал: «Андрей слушает!» А ласковый голос пропел на всю квартиру: «Андрюша! Я от всей души тебя поздравляю! У тебя сегодня родился брат! Его вес...», и дальше незнакомый голос стал называть какие-то цифры, а папа с недоуменным выражением лица их повторял, но к аппарату не подходил, в диалог, точнее, монолог, не вмешивался. Закончив, наконец, с цифрами, мягкий голос сказал, что моя мама без меня очень скучает, и спросил, что ей передать. А я так растрогался, что

мама первому мне передала известие о рождении брата, что все мысли переселить ее в плохой домик сразу куда-то ушли, я понял, что я самый-самый и солнышко тоже. Мне стало так сладко, и я разревелся, и хлюпая носом я закричал: «Передайте маме, что я люблю ее на сто миллиардов головастиков!»

Через неделю мама вернулась. С новеньким. Я любил ее так же сильно, как всегда, но с новеньким так и не смирился. Нам много звонили, приходили какие-то гости, все поздравляли меня с рождением брата. Подумаешь, радость! Красный, морщинистый, совсем не похож на тех деток, которых в телерекламе показывают. Орет, как ненормальный, какает куда больше меня. Никто уже не восторгается, когда я на горшок схожу, быстренько вытрут попу, и все. По маме видно, как ей хочется со мной пообщаться, но новенький никак не дает. Орет, даже если покормили, ни в какие игрушки не играет, пахнет как-то противно, и сам противный. Нет, останется он у меня навечно в кривом, черном доме, под дождем из черной тучи!

Время шло, мое отношение к брату не менялось. Да и он сам не менялся. Где только берут для рекламы хорошеньких розовых гладких малышей? Мне просто не повезло. У моего новенького какой-то диатез объявился, и брат был весь покрыт противными белыми чешуйками, которые мама мазала дорогущим маслом «Джонсон беби». Стоит небось – два кило апельсинов! Да фиг с ними, с апельсинами. Главное, видно, что мама также любит меня, как раньше.

Незаметно подошел главный праздник – Новый Год. Все было, как раньше: подарки под елкой, на столе – всякая вкуснятина. Дед Мороз за мои мучения подарил в этот раз чудесную вещь – тетрис со светящимися огоньками и музыкой. И гулять пошли на бульвар, как всегда, смотрели, как взрываются петарды и горят фейерверки, только папа катил перед собой коляску с братом, а ему было уже восемь месяцев, это же ужас, сколько я с ним живу! А сколько еще придется! Я, наверное, все же незаметно к нему привыкал, и уже не обращал внимания на его диатезные корки и так раздражавший меня раньше пух на голове. Хотя любви не испытывал. Это был просто постоянно раздражающий фактор, к которому я притерпелся. Брат стал как-то незаметно частью моего мира, не лучшей, но неотъемлемой. И тут пришла беда в виде почтальона, принесшего телеграмму о болезни бабушки. О том, чтобы поехать в деревню и там ухаживать за бабулей, не было и речи. Бабулю надо было доставить в город. Так как бабуля была маминой мамой, понятно было, что мама и поедет за ней. Но водить машину умел только папа – значит уедут оба. Мне пришлось остаться одному с

братом на целых три дня. И один из этих дней – Рождество! Соседку по лестнице, всех друзей и знакомых родители напрягли приглядывать за нами, и целых два дня за нами приглядывали, и даже слишком. Мне ни разу не пришлось поменять брату подгузник или покормить – все делали совершенно посторонние люди. Я только вывозил его гулять в колясочке, а когда возвращался, под дверями квартиры стояла очередь из добровольцев, готовых к кормлению, пеленанию и развлеканию братца. Но в Рождество все закончилось. Соседка ушла к друзьям, знакомые, наверно, пошли к своим соседям. Я впервые в жизни остался с братом один. С нелюбимым. В праздник, с которым меня никто не поздравит. Телефонной связи с бабушкиной деревней не было. Елка весело подмигивала огоньками гирлянд. Брат спал, слопав две банки пюре. Я сидел и вспоминал, как год назад спрашивал у мамы, почему Дед Мороз на Новый Год кладет подарки под елку, а на Рождество – в носочки. Мама не знала. Тогда мне стало интересно про носочки. Почему в них, а не в варежки, например? И мама сказала, что видно потому, что Деду Морозу нравится, как носочки пахнут. Я тогда понял, что она пошутила, а сам для себя решил, что поскольку Дед Мороз не жадина, он выбирает тару для подарков побольше, ведь в варежку много не положишь, а в длинный чулок даже бутылка Кока-колы влезет. Но тут мои мысли были прерваны диким криком. Я твердо знал, что на сегодня все закончено: брат выгулян, нужное количество раз накормлен, отмеренное количество подгузников использовано. Замолчи! Замолчи! Несчастье ты мое диатезное, шелудивое! Хочешь сесть – сядь! Опять орешь? Ляг! Орешь? На соску! Не плюй! Возьми и подавись ей! Ох, наверно, я очень разозлился! Не понимаю, как это случилось, наверно, я слишком сильно пихал ему соску, и жесткий пластмассовый ободок пустышки вдруг проскочил через беззубые десны в рот. Брат, мой родной, мой единственный брат стал задыхаться и на глазах краснеть, и он уже не кричал, а рядом не было никого, кто бы смог вытащить эту проклятую пустышку, которую я с такой злобой запихнул ему в его крошечный ротик, обметанный диатезом, в эти губки, покрытые белыми корочками.

Он умирал из-за меня. Я зажмурился и выдернул эту соску, поранив его нежные десны. Я слизал эту кровь, потому что рядом не было ваты. Я любил его на миллион рублей, и на тысячу головастиков, и на триллион жуков, и на десяток Сайтов. И когда он принял нормальный цвет и успокоился, задышав спокойно и ровно, я взял его крошечный носочек, положил под елку и постарался запихнуть в него свой новогодний подарок. Нет, он никак там не помещался. Тогда я стал бегать по квартире и собирать

все самое-самое дорогое: самые интересные детальки от «Лего», кусочек жвачки, недавно приклеенной за холодильником, засушенного мотылька, хранимого с лета в кармане пуховика, пусть крылья у него и оторвались, но все равно он был очень красивый, несколько круглых пулек от потерянного пистолета (а, может, он найдется?) и кусочек синего мелка. Мой большой носок жалкой тряпочкой лежал под елкой, и я понял, что Деда Мороза нет, но все равно кто-то должен наполнить носочек того, кто верит в сказку, или скоро поверит, убедившись, что подарки бывают просто так, от любви.

Один я у мамы, другой нам не нужен.
Хочу – закажу макароны на ужин,
Хочу – она купит мне яблок кило,
И все – для меня, для меня одного.

У Светы сестра должна скоро родиться,
И Светке, понятно, придется делиться
С сестрою и яблоком, и шоколадкой,
Арбузом, бананом, конфеткою сладкой.

В сестре или брате хорошего мало –
Ведь был ты один, и вдруг двое вас стало.
Единственным был, самым лучшим на свете!
Зачем появляются лишние дети?

А Светка-то рада: «Родится сестра!»-
Жужжит во дворе от утра до утра.
Никак не поймет, что ребенок второй
Отнимет все время, нарушит покой.

Придется питанье ему подавать,
Пеленки стирать и подгузник менять,
Друзей позабыть, с ним гулять очень долго.
Нет, это меня не прельщает нисколько!

Хочу быть единственным, самым-пресамым,
Чтоб лучшие мне доставались бананы,
Чтоб мама шептала мне каждую ночью:
«Спи, мой дорогой, мой любимый мой сыночек!

Мой самый любимый, мой самый прекрасный,
Очей моих свет, месяц ласковый ясный!»
И новенький чтоб не сказал мне братишка:
«Делись со мной яблоком, грушей и книжкой!»

Чтоб пасты любимой моей апельсиновой
На щетку свою никогда он не выдавил!

И вот на площадку я как-то зашел и ахнул –
Собрался весь дружный наш двор,
А в центре счастливая Светка стояла
И, как королева на троне, сияла.

Вокруг все столпились, почти не дыша,
На чудо смотрели – ее малыша,
Сестренку (не куклу!) – живую и славную,
Сейчас на площадке, конечно же, главную,

И Свете давали и мяч, и машинку,
Печенье, конфеты, с собакой картинку,
За то, что она подержать разрешала
Сестренку, завернутую в одеяло.

А я не принес ни конфет, ни игрушки,
Но Светка (отличная все же подружка!)
Дала подержать мне бесплатно малышку
На зависть девчонкам, на зависть мальчишкам.

В глаза мне, наверно, соринка попала,
Мне плакать хотелось, и в горле щипало,
Когда беззащитная милая крошка
Доверчиво мне протянула ладошку.

Решил я, – мне брат обязательно нужен!
Отдам ему завтрак, отдам ему ужин,
Немедленно нужен, вот этим же летом!
Пойду и скажу сейчас маме об этом!

Не боюсь идти к врачу

Как прекрасно, что Ваш ребенок растет крепким и здоровым! Как жалко, если Ваш малыш часто болеет! Но и в том, и в другом случае вам приходится довольно часто посещать врача, хотя бы для того, чтобы сделать профилактические прививки, пройти медосмотр и сдать анализы. При выполнении врачебных процедур вы не раз наблюдали, что один ребенок бесстрашно входит в кабинет, и, несмотря на болезненную процедуру, выходит оттуда без слезинки, вызывая восторг у родителей, сидящих в очереди: «Ну, настоящий герой!», или: «Смотри, девочка, а не плачет!». Другой же, еще не зайдя в кабинет, устраивает самую настоящую истерику, доводя до белого каления своих родителей, пугая детей и создавая невыносимые условия медперсоналу. Попробуйте прислушаться к тому, как готовят родители детей к предстоящей инъекции или к тому, что из пальца возьмут кровь. Родители «спокойных и мужественных» обычно молчат, или разговаривают на НЕВРАЧЕБНЫЕ темы, время от времени переглядываясь со своим «героем», особенно когда из кабинета выходит зареванный «не герой». Они уже подготовили своего ребенка дома, и уверены в его мужестве. «Герою» тоже страшно, будьте уверены! Поэтому он, хотя многократно уже обсудил этот вопрос дома, может еще не раз перед кабинетом задать вопрос маме или папе: «А будет очень больно?». В девяноста процентах случаев Вы услышите ответ «Да». С вариациями: «Больно, но терпимо», «Может даже больнее, чем ты себе это представляешь, но вынести можно», «Я уже не помню, как, но уверена, с такой болью ты справишься!». Иногда родители «героев», обладающие большим чувством юмора и успевшие воспитать его в своем, порой совсем крошечном чаде, могут сказать: «Ну да, сейчас выйдет врач во-от с таким шприцем!» – и разведут руки, как рыбак, рассказывающий об улове. В ответ на это безобразное заявление слышится детский смех. Папа (мама) шутит!

Ответы родителей «не героев» обычно не блещут разнообразием: «Ни капельки не больно!» и «Как комарик укусит!». Ничего себе комарик! Если вы сами твердо уверены, что инъекция – укус комара, значит, Вам давно уколов не делали, и вы должны немедленно освежить свои впечатления, проведя курс инъекций витаминов (заодно и здоровье поправите)! Если же вы знаете, как это больно, зачем вы обманываете своего ребенка? Правда откроется ему через минуту в кабинете, доверие к вам, пусть ненадолго, будет

утрачено. Прививки необходимо делать периодически, и вот уже ваш ребенок дает негативную реакцию на профилактическое посещение врача. Вы убеждаете его, что ничего страшного не будет, что доктор «просто послушает трубочкой», но не верящий вам малыш заходится в истерике, и вам приходится силой тащить его в кабинет, испытывая чувство неловкости перед родителями «героев». А если, не дай Бог, ребенок серьезно заболел, и ему приходится проходить курс антибиотиков плюс очень болезненные процедуры? Это от четырех до шести уколов в день! Грустное зрелище, когда малыш, уже уставший терпеть эту боль, отворачивается к стенке при виде входящей в палату с полным подносом шприцев медсестры и мужественно открывает исколотую попку, глотая слезы. Но еще хуже тому, который извивается на руках у матери, пытаясь закрыть попку руками, и орет на все отделение, уже не слушая маму, пытающуюся перекричать его: «Это последний укол! Это не больно!». Больно, и, к сожалению, укол не последний. А посещение зубного врача! Это только в рекламе завлекает: «Без боли и страха!». Конечно, ужасы дробления зубов без обезболивания ушли в прошлое даже в районных поликлиниках, но страх все равно будет, и будет боль от того же самого обезболивания. Не обманывайте ребенка, помогите ему подготовиться к сложному для него испытанию, и вы будете вознаграждены восхищенными взглядами и похвалами в адрес вашего ГЕРОЯ.

Крепкого здоровья вам и вашим детям!

Какая удача! Ты вдруг заболел,
С утра фрикадельки и кашу не съел,
В машинки и тетрис играть перестал,
И вдруг почему-то ужасно устал.

О, Господи, вот оно, вот оно - счастье!
Тебе притащили различные сласти:
Зефир и варенье, конфеты и груши-
Лишь только больной хоть чего-нибудь скушал.

Все любят тебя от носков до макушки,
Заботливо так поправляют подушки,
И школа, и садик теперь подождут-
Пускай в них здоровые дети идут.

И маме не надо ходить на работу,
С тобой у нее лишь отныне заботы,
А чтобы счастливым ты был до конца,
С работы она вызывает отца.

Обычно мой папа в квартиру входил
Уставший, как лошадь, и просто без сил.
Увидеть меня хоть часок был он рад,
Хотя иногда отвечал невпопад.

Смотря ОРТ и газету листая,
Накладывал соли он в чашечку чая.
Читая журнал и смотря НТВ,
Подкладывал сахар он в супчик себе.

Но все ж, еле-еле бредя до подушки,
Меня успевал потрепать по макушке,
Сказать «Снов спокойных тебе, мой малыш»!
«Тебе тоже, папа! Ох, ты уже спишь...»

Сегодня же папа другой мой совсем,
Спросил, почему фрикадельки не ем,
Спросил про учебу, спросил про ребят,
Хотя еще год мне ходить в детский сад.

Он ласково, добро мне так улыбнулся,
Рукою щеки моей левой коснулся,
И вдруг как подпрыгнет! «Вот это беда!
Скорее мне градусник дайте сюда!»

Термометр! Это ужасная штука,
Подарок скорей для врага, а не друга
Холодный, стеклянный, внутри его ртуть...
Подмышку хотят мне его запихнуть!

А если он там на куски разобьется
И в нежную тонкую кожу вопьется?
И ртуть потечет по рукам и ногам,
А после и вовсе впитается там?

Я долго боролся, я очень боялся,
Плотней в одеяло свое замотался,
Но мама и папа – подумайте только! –
Достали меня, не жалея нисколько.

И я семь минут свою жизнь подвергал
Опасности жуткой – вот это кошмар!

Но вот извлекли инородный предмет,
Включили все лампы (вот это был свет!),
На градусник мама и папа взглянули,
И как по команде, печально вздохнули.

«Врача вызываем»,- мне мама сказала.
Ох, лучше она бы меня наказала!
Поставила б в угол, и даже шлепок, несильный
Я, кажется, вытерпеть смог.

Но нет, к телефону садится она
И только лишь адрес назвала едва,
Врачи уже близко, врачи уже тут,
Сирены под окнами песни поют.

И вот уж в квартиру заходят врачи,
От них не отбиться, кричи, – не кричи,
Подходят к кровати «Ну, здравствуй, мой мальчик!»
Врачебный главарь свой раскрыл чемоданчик

И вытащил, – кто бы сказать это смог? -
Кошмарный прибор – фон...фон...фонендоскоп!
Резиновых змей себе в уши вставляет,
Прибор прямо к коже моей приставляет,
Прошиб меня ужас до самого мозга,
У змей на конце прилепилась присоска!

Вскочил я с кровати и бросился к двери.
Родители – просто какие-то звери!
Поймали, схватили, скрутили, связали,
И слушать меня тому доктору дали.

«Дыши, не дыши, и опять не дыши!»
Ну, нет у врачей совершенно души!
Ведь каждый младенец, наверное, знает –
Не дышишь, и все – человек умирает.

Но выжил я, хоть очень близко был к смерти,
Нет слов описать мои муки, поверьте,
Уж лучше б я в садик ходил в выходные,
Чем в будни терпеть мне напасти такие!

У мамочки ложку врачи попросили.
Покушать хотят – вот нахалы какие!
Да ладно! Отдам им свой чай с молоком.
Лишь только б ушли, наш покинули дом.

Но ложка была им нужна для другого,
В кошмаре ночном не увидишь такого,
Врачи этой ложкой мне в рот залезали,
Да так, что почти до желудка достали!

Врачебный главарь головой покачал,
«Похоже, ангина», - тревожно сказал,
А я очутился в каком-то тумане,
Не видел уже, как врачи уезжали.

Всю ночь я метался, и видел я сны,
Как сотня тарелок слетела с Луны,
Сидел в каждой врач, крепко ложку сжимая,
Ко мне приближалась армада чужая.

Тарелки те были размером...с тарелки,
А вместо моторов у них были грелки,
Нос – градусник, вместо сидений – таблетки,
Горчичники – стол, а шприцы – табуретки.

Врачи приземлились под нашим окном,
И, как, непонятно, проникли к нам в дом,
Всю ночь они клали на лоб мне примочки,
Противнее в жизни не видел я ночки.

А лишь рассвело, все врачи, словно белки,
Попрыгали в окна и сели в тарелки,
Умчались обратно к далекой Луне-
Не мог я увидеть все это во сне!

Ведь так я и знал! Сразу я догадался,
Как в утреннем небе их след потерялся,-
Захватчики, монстры с далеких миров
Имеют у нас вид простых докторов.

Мечтают они о захвате Земли,
Для этого только сюда завезли
Лекарства! Ты, друг никогда их не пей,
От них на Земле станет меньше людей!

С отлетом врачей я вздохнул с облегченьем,
Увы, не закончились злые мученья!
Когда эти монстры-врачи улетали,
Они мою мамочку заколдовали.

И мама мне стала лекарства носит,
Таблетки давать и микстурой поить.

Я спорить не стал с ней, ведь знал – бесполезно,
Во что превратилась она – неизвестно,
Таблетку я взял и пихнул под язык –
Я гадость такую глотать не привык.

Но горло намазала мамочка мне,
микстуру влила – и довольна вполне.

Таблетки выбрасывал я в унитаз
(Их не было видно на белом как раз_.

Микстуру выплевывал в чашку с водой,
Меня не залечишь, я Вам не такой!

Болея я, ребята, чудовищно долго.
«Нет, не помогают лекарства нисколько!»-
Все мама вздыхала: «Купить, что ль, другие –
Зарплаты не хватит, они дорогие...»

И все же я выжил, но, видно, напрасно,
Все было кошмарно, а стало ужасно.
«Пора в поликлинику!» – мама пропела
И ласково так на меня посмотрела

К врачам, в поликлинику, сам, добровольно
Ну нет уж, с меня их лечений довольно!

Весь путь в поликлинику я упирался,
Кричал и рыдал, и за ветки цеплялся,
Но мама (откуда же силы взяла!)
Меня до врача все же доволокла.

Надеюсь я, горько тот врач пожалел,
Что он в кабинете двенадцать сидел,
С одним-то врачом и измученной мамой
Одной справлюсь левой, а может быть, правой!

Врач сдался, но чтобы престиж не терять,
Заставил меня все анализы сдать.

Зачем им анализы те, непонятно,
На них и смотреть-то совсем неприятно,
Но все собирают, но все собирают,
Цветы ими, что ли они поливают?

Вон сколько цветков в коридоре стоит!
И каждый, заметьте, изрядно полит!

В другой кабинет меня мама ведет,
Там очередь. Вот неразумный народ!
Приходят сюда, чтоб часами стоять
И кровь же свою добровольно отдать.

И я отдавал, хотя с криком и визгом,
Свободной рукою попал я по мискам,
На пол полетели пипетки и трубки,
Пробирки с водою, и вата, и губки.

Я дрался, как лев! Но бригада врачей
Проткнула все пальцы до самых костей,
Кровищи ведро изменя накачали
Всю-всю, до последней до капельки взяли.

Но вот разрешили ходить мне в детсад,
Я снова увидел знакомых ребят,
И каждый был рад очень встрече со мной,
Но только жалели: «Какой ты худой!»

Действительно, здорово я похудел,
Поскольку ни супа, ни каши не ел.
Но, лежа в жару, совершенно без сил
Я голосом слабым конфет все просил.

Конечно, родители мне уступали,
И сладости тоннами мне покупали.

Ох, лучше б не ел их горстями тогда!
Такая сейчас приключилась беда -
Как будто пчела меня жалит в десну,
Кусает, да так, что никак не засну!

Идти к стоматологам, значит, придется,
Без них моя боль никогда не уймется.

Ну, я и пошел, не один, правда, с мамой,
Тащил ее сам, словно трактор упрямый,
Гнала меня боль, словно сотня плетей,
Никак самому мне не справиться с ней.

Там очередь очень большая стояла,
Но боль моя быстро ее разогнала,
Ну, может, не боль, а мой крик от нее,
Как я там орал, не орал так никто.

Соседний от криков разрушился дом,
Еще хорошо, что тот дом шел на слом,
И знали лишь только врачи, что почем –
Теракты тут были совсем ни при чем.

Хватают меня и несут в кабинет,
Сажают не в кресло, не на табурет –
На стул электрический. Как-то давно
Такой же вот точно я видел в кино.

На шею мне вяжут удавку-платок,
Отбойный подносят ко мне молоток,
Укол – прямо в небо, немеет щека,
Но боль с онемением сразу ушла.

Я в кресле врачебном провел целый день.
Врачам – удивительно! - было не лень
Сверлить, и латать, и все в рот мой заглядывать,
И время от времени ватки подкладывать.

Но вот разрешили закрыть мне мой рот.
Врачи удивительный все же народ!
Ушел я без боли, и понял, ребята,
Как крепко ошибся с врачами когда-то.

Конечно, нам лучше совсем не болеть,
А в садик ходить, на уроках сидеть,
Гулять на площадке и в речке купаться,
По улицам бегать и в цирке смеяться.

Но волей-неволей приходится нам
Порой обращаться к врачам-докторам
И если уж все же случилась беда,
Помочь тебе смогут одни доктора.

Как редко бывает приятным лечение!
Но мужества ты наберись и терпенья:
Укол – не укус комара, а больнее,
Микстура – не сахар, намного кислее.

Врачи твою боль, как свою принимают,
С любовью от бед и несчастий спасают.
И в зной, и в пургу, и в любую погоду
Приедут к тебе доктора на подмогу.

А если врачи бы тебя не любили,
Они б в поликлинику и не ходили,
Они бы спокойненько дома сидели
И плюшки, ватрушки и пряники ели.

Все в порядке, или приучение к аккуратности

Всем приятно зайти в чистую, ухоженную квартиру или комнату. Да и сами мы, приглашая гостей, всегда стараемся прибраться перед их приходом. Но, с другой стороны, не стоит всю свою жизнь проводить с тряпкой в руках, раздражаясь на домашних за то, что кто-то поставил в сушку чашку так, что ручка смотрит в другую сторону, не так, как у остальных. Кто-то спокойно и с умилением посмотрит на уставшего малыша, заснувшего среди игрушек, и перенесет его в кровать. Кто-то за оставленную раскрытой на интересной картинке книгу сделает строгий выговор. Это совсем не значит, что в первой семье вырастет аккуратный ребенок, а во второй – грязнуля и неряха. Если отец или мать будут без конца тыкать ребенка в неубранные игрушки, это может вызвать у малыша справедливый протест, - ведь он действительно еще “не доиграл!”. Но и приучать к порядку малыша необходимо: этим вы воспитываете в нем чувство ответственности, да и себе жизнь здорово облегчаете. Подбирая и раскладывая за ним (и за него) разбросанные вещи (потому что быстрее, лучше и аккуратнее это сделаете) вы никогда не приучите его к порядку, и сами в конце концов испытаете прилив гнева и раздражения. Зачем вам это нужно? Лучше установить твердые правила и неукоснительно их соблюдать. Например, пусть ребенок оставит “недоигранный” конструктор, но не более, чем на час. Или уберет железную дорогу не “немедленно”, а когда кончатся мультфильмы. Но уберет обязательно! Он будет чувствовать ваше уважение к своим интересам и одновременно ответственность за результат своих действий. Конфликтов не будет.

У меня игрушек много, я за ними не слежу.
Их и в ванной, и в прихожей, и на кухне разложу.

Торт “Причуда” просит Миша, сев в тарелку с кашей,
Смотрят жадными глазами рядом Маша с Дашей.

Под столом, в сгущенке весь, конь стоит мой смирный,
По дороге кольцевой едет поезд жирный.

Папа лег вчера в кровать иИ совсем не может спать.
Говорит, ему мешают под простынкою мячи!
Отодвинь ты их в сторонку, ляг опять и не кричи.

А сегодня очень поздно папа мой пришел домой,
Оступился и поехал на машинке легкой.
Видно, очень он устал, на нее ногою встал.
Ну, она и покатила прямо в кухню, где буфет.
По дороге опрокинул бедный папа табурет,
Стукнулся об холодильник, со стола смахнул будильник,
Зацепился он за провод, - и погас в квартире свет.
А на кухне – остановка. Дальше там проезда нет!

Папа на полу лежит, рядом смирный конь дрожит,
Миша из тарелки с кашей строго папе говорит:

“Что ты ходишь, как медведь? Надо под ноги смотреть!
Чуть машинку не испортил и синяк на лбу набил,
Ну зачем, скажи на милость, ты будильник уронил?”

Закричал ужасно папа: “Больше нету сил терпеть!
Почему сидеть в тарелке должен каждый день медведь?
Почему бардак такой? Страшно мне идти домой!
На работе я весь день, вам же тут убратся лень!”

С мамой у меня проблемы возникают каждый час:
“Убери игрушки с пола, я о них споткнусь сейчас!
Чтобы обед вам приготовить, не могу пройти к столу!
Ну, когда ты умудрился новый дом создать в углу?”
Мой прекрасный новый дом, как всегда, идет на слом.

А какой он был чудесный! В угол стул поставил я
И завесил занавеской, сверху – крыша-простыня

На полу лежат подушки – это в домике кровать,
На подушках – хлеб и сушки: можно есть и можно спать!

Очень славное жилье! Чем оно мешало?
Убирает мама в шкаф дверцу-одеяло,
И простынка, и подушки исчезают заодно,
Занавеска возвратилась на раскрытое окно.

Ну, и как мне дальше быть? Нету дома – негде жить!

Я решил гусенка Митю в нашей ванне искупать.
Каково ему на пыльной полке целый день стоять!
Заодно его покрашу, чтоб он снова ярким стал.
Из-под вороха рубашек краски я свои достал.

Вот, меня ругает мама за бардак! Ну а сама?
Безобразие какое в нашей ванной развела!
Где одежда быть должна? Да, на полке, а она
Плавает в глубокой ванне, где почти не видно дна!

Я одежду отодвинул, очень быстро Митю вымыл
(мыльная была вода). Стал гусенок – хоть куда!

Чтобы долго не возиться, краски в воду бросил я,
Очень быстро получилась разноцветная вода.
Искупав гусенка в ней, сам я удивился:
Он из гадкого гуся в паву превратился!

А потом одежду быстро я на полках разместил,
Волоча ее по полу, заодно его помыл...

Тут из кухни вышла мама, приготовив нам обед.
Собиралась, видно, мама сесть на грязный табурет,
Промахнулась, села на пол и сказала, глядя вдаль:
“Как твою, сыночек, попку мне сегодня будет жаль!”

Встала, за ремнем пошла мелкими шагами.
На квартиру посмотрел я ее глазами
И представил: входит папа, видит этот кавардак...
От ремня тогда спасенье уж не светит мне никак!

Убиралась мама так, как лишь мама может,
Я ей тоже помогал. Кто ж еще поможет?
Папе даже показалось, что он не туда попал,
Хоть ключом своим обычным дверь он лично открывал.

Миша вылез из тарелки, толстый отряхнув живот:
Он теперь на полке с Машей и лошадкою живет.
Мяч мешать под простыней никогда не будет,
Ночи страшные без сна папа позабудет.

Приходя с работы, знает, что его порядок ждет,
Сын его стал аккуратным и его не подведет!

Улыбнитесь!

Иногда родителям, наблюдающим за своим двух трехлетним ребенком, кажется, что он излишне жесток. Он может на прогулке сосредоточенно давить муравьев, методично обрывать ножки жуку, а дома стискивать любимого хомячка, пока не наступит летальный исход. В этом возрасте ребенок еще не может отдавать себе отчет в своих действиях и не прогнозирует их последствий. Если Вы каждый раз будете объяснять малышу, что «жучку больно», а «муравья ждут его детки», можете быть спокойны – из Вашего ребенка садист не вырастет. Пяти семилетний ребенок (и старше), увлеченно разрывающий на части все живое, что удалось поймать – большой повод для беспокойства, и здесь без привлечения специалиста не обойтись.

Порой родители сталкиваются с противоположной проблемой, тоже серьезной: ребенок растет излишне впечатлительным и ранимым. Такой малыш уж точно никого не обидит, зато сам страдает за весь мир. Для него любая собака, не привязанная к поводку, любая кошка – бездомные, и их необходимо немедленно

приютить; бредущая за хлебом бабушка – наверное, скоро умрет, а Чуковского им читать просто невозможно, потому что там у кого-то что-то все время болит и кто-то кого-то съедает. Слезы вызывает буквально все, ребенок видит страдание там, где его и нет. Ваши уверения, что старушка будет жить еще долго-долго, а собачка «побежала искать хозяина и обязательно найдет», очень помогут ребенку. Не переживайте, из Вашего малыша не вырастет слюнтяй: со временем желание убиваться над каждым растоптанным муравьем пройдет само, уж слишком много их будет попадаться в жизни.

Эта глава предлагает Вам провести небольшой тест: прочитайте ребенку хорошо знакомые ему сказки с различным завершением сюжета и спросите, какое окончание он бы выбрал. Если ему нравятся только первый вариант, то уроки доброты здесь не помешают, если только второй – Ваш малыш излишне раним, если третий – все в порядке. Это я пошутила. У Вас чудесный ребенок, просто развлеките его!

Теремок

Решиламышь-норушка построить теремок:
Взяла сучок, хвоинку и веточек чуток,
На крышу взгромоздила лист лопуха с трудом,
Известкой побелила, - и вот готов ей дом.

Ни холодно, ни душно, не сыро в доме ей.
Живет себе – не тужит, совсем не ждет гостей.

Лягушка прискакала с болота за леском:
«Вот чудо! Интересно, кто здесь построил дом?
Хозяева, пустите под вечер отдохнуть!
Пропрыгала сегодня я очень долгий путь!»

«Входи, - сказала мышка, - и молочка попей,
А хочешь – оставайся, вдвоем ведь веселей!»

Лягушка осмотрела большой уютный двор,
Нарвала камышинок, поставила забор.
А чтобымышь-норушку ей не пришлось стеснять,
Пристроила веранду, поставила кровать.

Живут они прекрасно, не скучно им вдвоем,
И слышат утром ясным: «Кто тут построил дом?
Вот чудеса какие: кругом поля, леса...
Хозяева, впустите! За мной бежит лиса!»

Ну кто оставит зайца лисице на обед?
Пустили. Но для зайца в избушке места нет...
«Как будешь спать ты, серый? Где ляжешь, зайчик наш?»
«Ой, не беда! Пристрою я вмиг второй этаж!»

Вот теремок построен: не домик, высший класс!
Не тесен, не просторен, а просто в самый раз!

Уютно в нем и чисто: соринки не найдешь...
С охоты топал мимо колючий серый еж.

«Ну, ничего местечко! И домик ничего!
Внутри, похоже, печка, красивое крыльцо...
Хоть обойди полсвета, а лучше не найдешь!»
И час хоть до рассвета, но в дверь стучится еж.

Все в домике вскочили, от ужаса дрожа:
«Нет, это друг!» – пустили колючего ежа.
Вновь старых обитателей стеснять тот еж не стал:
Себе он оборудовал под домиком подвал.

Все разместились чудно, им впору песни петь,
Но косолапый вышел к их домику медведь:
«Вот домик мне по вкусу! В нем тоже жить хочу!»
«Ты, Миша, видно, шутишь!» «Да нет, я не шучу!»

Я размещусь в подвале, нос с головой – на печке,
Хвост ляжет на веранде, а лапы – на крылечке!»

1. Ну нет! Медведю теремок ломать мы не дадим!
Мы строили с таким трудом – а значит, победим!
Пришлось медведю убежать – лишь пятки засверкали,
А мышь, лягушка, заяц, еж жить в доме продолжали.

2. И косолапая гора на домик навалилась.
С лягушкою Норушка-мышь снаружи очутилась,
И зайка выскочить успел с колючкою-ежом,
А косолапый только сел – разворотил весь дом.
3. Протиснул в дверь он левый бок – и развалился теремок.
Медведь был «новым русским», и чтоб вину загладить,
По теремку зверушкам всем велел потом поставить

Репка

В огороде внучка Маша
С дедом репу сеяла:
«Вырастай ты, репка наша,
Сочная и спелая!

Не иди, редиска, в стрелку,
Стань огромным, кабачок,
Тыква круглая – с тарелку!
Выше перышки, лучок!»

Дед такие грядки сделал –
Как пуховая кровать!
Посадить – всего полдела,
Надо грядки поливать.

Вместе с Машей кошка Мурка грядки поливала,
В это времямышь-норушка съела в доме сало.

Вот над грядками взошли дружные побеги, -
Мошки, гусеницы, тли начали набеги.

Урожай чтоб сохранить, бабка все бросает,
Червяков и пауков с Жучкой собирает.

«Не собачье это дело!», -
Жучка говорит несмело, -
«Это все меня достало – червяки и пауки,
Вон, какой худой я стала!
Слышишь, мышка, помоги!»

Мышке до собачьих просьб никакого дела,
Обглодала с мясом кость, творожку поела.

Вот и вырос урожай – только ведра подставляй!

А одна большая репка так в земле сидела крепко!
Дед один ее никак вытащить не может,
Бабку громко он зовет, пусть ему поможет!

Бабка тут же за ремень деда ухватилась,
Уж тянули так и смяк, нет, не получилось.

Бабка громко закричала: «Внучка, Машенька, ты где?
Помоги нам с этой репкой, ох, засела как в земле!»

Маша дергала, старалась – ничего не получалось.

«Эй, собака, Жучка, где ты?
Помогай, а не смотри!
За работу – две конфеты.
Ну-ка взялись: раз, два, три!»

До десятка досчитали –
Репку так и не достали.

«Мурка! Ты не прохлаждайся,
Прибегай сюда скорей,
Вместе с Жучкой упирайся,
Потянули! Ну, сильнее!»

Мурка как не упиралась, репка все ж в земле осталась.

А пока все надрывались, добывая корнеплод,
Мышка в доме съела кашу, маргарин и бутерброд.

И, как это не обидно, (очень всем не хочется!),
Но решение очевидно – мышку звать приходится.
«Помоги нам!, - просит Мурка, -
Мышка-серенькая шкурка!»

1. Но грызун противный тот
Вмиг забрался под комод
И на крик не отзывался,-
В теплой норке отсыпался.

Помощи от мыши нет.
Разозлился старый дед,
Ухватился за ботву,
И смотрите – ну и ну!
Вместе с дедом на земле репка очутилась
И до домика сама быстро докатилась.

Из чулана мышеловку деда притащил
И куском огромным репы тут же зарядил.
Мышь проснулась, подбежала...
Щелк! И тут ее не стало.

2. Мышь наелась (вот нахалка!)
И раздулась, как мешок,
Оставляя еду ей жалко,
В норку тащит творожок.
А потом на огород
Вперевалочку идет.

Дедка за репку, бабка за дедку,
Внучка за бабу, Жучка за внучку,
Мурка за Жучку...

Мышка плавно за пушистый Муркин хвост тянула,
Но потом не удержалась, дернулась (икнула),
И от этого толчка репка вбок пошла слегка,
А потом, на радость всем, вышла из земли совсем.

Как же мышку ту хвалили,
Все грехи ее забыли,
На руках ее качали,
Сладкой репкой угощали!

3.

Жучка лает: «Где ты мышь? Мы работаем – ты спишь!
Мышь не стала помогать, продолжала отдыхать.
Но и без ленивой мышки репку удалось сорвать.

Стала Бабка за обедом дольки репки нарезать.
Всем по ломтику хватило, Мышь же, сколько не просила,
Так без репки и осталась – ничего ей не досталось...

Курочка –ряба

Жила на свете курочка
Рябая, то есть в крапинку,
И зерен ела чуточку,
Пила водички – капельку.

Кудахтая без умолку –
(И как же ей не лень!)
Сносила два больших яйца
Ну каждый божий день.

А бабушка и дедушка,
Души не чая в птичке,
Съедали каждый божий день
По белому яичку.

Хвалили за прекрасный вкус
И аромат волшебный,
И верили – у тех яиц
Большой эффект лечебный.

Но как-то деда с бабою
Хохлатка подвела:
Яйцо она из золота
Нечаянно снесла.

Давно уж дед очки носил,
И видел он чуток.
И отправляет он яйцо
В кастрюлю, в кипяток.

А через семь минут кричит:
«Бабуля, хлеб мне нужен!
Пусть на двоих одно яйцо,
Но все-таки нам ужин».

Стучит он ложкой по яйцу,
Хватается за нож,
Пот льется по его лицу,
А толку – ни на грош.

Рыдает баба, плачет дед –
Яйцо крутое слишком.
Из норки вылезла на свет
Малюсенькая мышка.

Забралась на огромный стол,
Цепляясь коготками,
Махнула по яйцу хвостом,
И вот – глядите сами:

Как золотистый метеор
Яйцо на пол летит,
И золотая скорлупа
Во всех углах блестит.

Нет, это тоже не еда.
Поджавши скорбно губки,
Сметает баба на совок
Разбитые скорлупки.

Да это золото! Гляди!
Чего же ты не рад?
Пошире дверь мне отвори –
Снесем яйцо в ломбард.

1. Разбогатели с бабой дед,
Им черствый хлеб не нужен,
Едят бананы на обед
И персики на ужин.

Все ждут: а вдруг еще хоть раз
Их дорогая птичка
Снесет под зимний вечерок
Из золота яичко.

2. Как Ряба виновата!
«Я больше так не буду!
Снесу обычное яйцо,
Готовьте-ка посуду!»

3.«Хоть что-то скушать надо нам», -
Дед с Бабою решили.
Разрезав куру пополам,
Бульон себе сварили.

Колобок

В один дождливый хмурый вечер
Сидят дед с бабой на печи...
Перекусить сегодня нечем,
Где вы, блины и куличи?

«Эх, хоть бы корка заваялась»,-
Старик печально говорит.
«А, может, где мука осталась?
Так есть хочу – во рту горит!»

Старушка, с голоду качаясь,
В кладовку старую пошла,
Там, о коробки спотыкаясь,
Муки три горсточки нашла.

Дрожжей щепотку, масла ложку,
Сухого молока мешок,
Корицы, мака понемножку:
«Ну, испеку я колобок!»

Из теста круглый шар катает,
А дед уж печку разжигает.

Трещат дрова. Теперь у печки
Старушка с дедушкой сидят,
А по избе плывет волшебный,
Чудесный, дивный аромат.

И вот старушка вынимает
Румяный, пышный колобок.
Старик скорей его хватает,-
Но руку враз себе обжег.

«И все-то, дед, тебе нейдется!
Давай, уж обождем чуток...»,-
И в синем блюде за оконце
Бабуля ставит колобок.

«Схожу=ка я к соседке нашей,
Не угостит ли молоком?
И попрошу крупы для каши,
А ты следи за колобком!»

Но Старику неинтересно
Смотреть на блюдце и окно:
«Тьфу, колобок, всего лишь тесто!
Зачем мне сторожить его?»

Дед взял газету, смотрит телик, -
Вовсю идет футбольный матч.
А колобку не нужен велик,-
Он покатился к лесу вскачь.

Он по пути исполнил танец,
С трудом пролез через кусты,
И тут ему навстречу заяц:
Ой, колобок, откуда ты?»

«Удрал от старых – захохочешь!
Мне жить у них? Большая честь!
А ты, чего, зайчишка хочешь?»
«Чего? Хочу тебя я съесть!»

Но колобок запел тут песню
Про славный голубой вагон,
И, пока заяц слушал честно,
В лесу дремучем скрылся он.

Овраги, ямы, буераки, -
Уж еле дышит колобок.
Из-под лесной большой коряги
Ему навстречу выполз волк.

«Откуда катишься, румяный?
Ты что, съедобный что ль, клубок?»
«Качусь от деда и от бабы,
И не клубок я, колобок!»

Меня зверек ужасный серый
Назад минуту съесть хотел!
Так напугался! (Я ж не смелый),
Что сразу даже зачерствел!

«Ну, колобок, твоя удача!
Тебя я быстро съем, поверь!»
Но, колобок, едва не плача:

«Послушай песню, страшный зверь!»

Запел он хит какой-то новый, -
И замер лес густой еловый.
А вместе с лесом замер волк,
И укатился колобок.

Устал, лежит: кругом малина,
От ужаса не может петь,
Бок холодит приятно глина,
Навстречу топает ...медведь.

«Ты без колючек что ли ежик?
Малина надоела мне...
Да у тебя совсем нет ножек!
Ну, для еды сойдешь вполне!»

«Ну, что ты, что ты, косолапый!
Я для тебя сейчас спою.
Да убери подальше лапы
И пасть зубастую свою!»

Еще и песня не допета,
Звонит волшебный голосок...
Медведь прослушал два куплета, -
На правый завалился бок.

Опять опасность миновала,
Как летом буйная гроза,
В лесу совсем темно уж стало,-
Выходит рыжая лиса.

«О, колобок! Какое чудо,
Что здесь мы встретились с тобой!
Мое любимое ты блюдо!
Ой, то есть милый и большой!»

Как я ценю вокал, искусство!
Я раньше пела лучше всех!
И у меня такое чувство,
Что нам с тобою спеть не грех.

Но слышу плохо. Косолапый
На ухо встал мне невзначай,
Ну, ничего! Иди мне в лапы
И громко песню начинай!»

И оказалось, славно так они вдвоем поют,
Что на гастроли и турне их через день зовут,
И за границу, и в Москву: объездили весь свет
По телику глядят на них в избушке с бабой дед.

Ни одного концерта Дед еще не пропустил,
И каждый раз Старухе он, волнуясь, говорил:
«Вот молодец-то колобок, смотри, чего добился!
Как хорошо, что в хмурый день от нас он укатился!»

1. Лиса схватила колобок

за круглый мягкий бок,
еще секунда –
и она проглотит колобок!

Но он рванулся, убежал
Решил: «Пусть лучше дед
Съест мой румяный круглый бок
Сегодня на обед на обед!»

2. Как колобок тут наш запел!
(Он угодить лисе хотел)

Он исполнял то рэп, то рок...
Лиса все ниже наклонялась,
Расслышать будто бы старалась,
И – проглотила колобок.